

ВЛАДИМИР КРУПИН

ШАНХАЙСКИЙ “МАНДАРИН”

Мне и самому интересно: как это я объехал весь белый свет и ни разу не был в Китае? А ведь Китай занимает большое место в моей жизни. Начать с того, что моей пронзительной отроческой мечтой было иметь китайскую авторучку. А красочный настенный календарь у соседей, на котором была изображена китаянка такой красоты, что я, приходя к ним, как-то даже стеснялся посмотреть в её сторону... И уж, конечно, незабываемый китайский фильм “Седая девушка”. Девушка, тоже необыкновенной красоты, сражается с оккупантами, попадает в плен, подвергается пыткам, седеет от них, но не сдаётся. А великая песня “Москва – Пекин”? Это был настоящий гимн нашей дружбе. Расправляющий грудь и плечи марш. Помню всегда:

*Москва – Пекин, Москва – Пекин,
Идут, идут вперёд народы
За прочный мир, за светлый мир
Под знаменем свободы.*

И ударили припев:

*Сталин и Мао слушают нас,
Слушают нас,
Слушают нас и т. д.*

Потом был интерес к китайской литературе. Особенно к Лао Шэ – “Записки кошачьего города”, – Ли Бо, Ду Фу, Ван Вэй... были и весьма нескромные “Цветы сливы в золотой вазе”, но там описания развратной жизни мужа искупались страданиями его жены и тем, что она вырастила сына, который уходит в монастырь замаливать грехи отца.

Прожил я вместе со всеми и времена отторжения СССР от Китая. Нас даже, когда я после армии учился в московском вузе, возили на Ленинские (ныне опять Воробьёвы) горы, к китайскому посольству – выражать протест. В связи с чем был протест – не помню, но выражали. Как выражали? Постояли и разошлись. Очень тяжело вслед за этим пережил я трагедию на острове Даманском. Помню и чекиста из внешней разведки, который говорил, что Китай совершенно закрыт для засылки туда агентов, что информация о Китае минимальна. “Завербовать агента из китайцев можно, но бесполезно. Он в любом случае останется китайцем и будет поставлять нам выгодные для них

сведения”. — “А почему нельзя заслать разведчиков?” — “Мы же резко от них отличаемся. А в Китае все китайцы, даже император китаец, как Андерсен написал в сказке о настоящем и искусственном солowie”.

Но после, так сказать, примирения была организована встреча со студентами-китайцами из института имени Патриса Лумумбы. И было-то этих встреч всего две, не больше, но представление о китайцах я тогда получил. Встреча состоялась в их общежитии. После общих слов о любви и дружбе читали стихи. Вдруг они говорят: “Нам надо провести партсоборание. Вы подождите двадцать минут”. И провели. Один выступил, двое его поддержали, ещё один заполнял протокол, который все они и подписали. А потом вновь обратились к нам. Кажется, китайца, к которому я обратился, звали Шань. Я его наивно спросил: “Вы все такие одинаковые, как вас различать?” — “Да ты что, — ответил он. — Мы все очень разные, это вы все на одно лицо”.

Ещё образ Китая как-то слился в моём сознании с песней о северной русской столице. В детстве, вскоре после войны, я лежал в больнице, а рядом со мной — умирал ветеран войны. Его кровать была у окна. Он приподнимался на локтях, глядел на улицу и пел: “Любимый город в синей дымке тает, знакомый дом, зелёный сад и нежный взгляд”. А я был маленький и понимал слова песни так: “Любимый город в синий дым Китая”. И представлял Китай зелёным, маленьким, в синей дымке. Даже потом рассказ написал “Синий дым Китая”. Друг мой — поэт Анатолий Гребнев — вспомнил этот рассказ и перед моим отлётом в Шанхай прочёл мне по телефону шуточный экспромт: “Зачем же ты Россию покидаешь, душою всё же оставайся здесь. Ведь ты умчишься в синий дым Китая и в этом дыме растворишься весь. В Китае будет общее собрание, и с должности слетит Дэн Сяопин. По воле всенародного признания на это место встанет В. Крупин”.

А может, я оттого так долго не летел в Китай, что берёг его на старость, когда пора настанет свершать последние земные круги?..

Знаменитая Шанхайская книжная выставка. Ежегодная, осенняя. Вот и я, грешный, удостоился чести побывать на ней. Но теперешнее электронное сетевое пространство избавляет меня от необходимости рассказывать о самой выставке, кому надо — и так узнают. Я о Шанхае. Готовясь к поездке, я читал и об этом городе, и вообще о юго-восточной части Китая. Нашел сведения о ней у Марко Поло в его “Книге чудес света”: “Народ здесь — идолопоклонники, занимается земледелием, дровосеки и охотники. В лесах тут, знаете, диких зверей много: и львов, и медведей, волков, ланей, антилоп, оленей, всяких зверей тут довольно. Тамошний народ ловит их много, и дело то прибыльное. Есть у них и пшеница, и рис, и всякого другого хлеба вдоволь, и он дешёв — земля тут плодородная”.

Ещё я вычитал про симпатичного зверька панду, мордочку которого можно видеть на многих рекламах и товарах. Оказывается, тогда, по крайней мере, пандой называли бамбукового медведя, хищника очень серьезного. Интересно о бамбуке. Он помогал пасти скот, с его помощью охраняли пастбища домашнего скота. Как? Рубили стволы ещё зелёного бамбука и бросали в костёр. Бамбук разогревался, корчился и начинал страшно трещать и взрываться; в ужасе разбегались и львы, и тигры, и панды. А своих коров, овец, коз и лошадей китайцы приучали к треску этой пальбы постепенно — каждого телёнка, жеребёнка и ягнёнка.

И, конечно, вспоминалось общеизвестное: про Великую китайскую стену, про изобретение пороха и бумаги, про самую древнюю письменность (здесь писали на дощечках из бамбука — в отличие от глиняных дощечек царства Урарту), вспоминалось виденное на экране подземное неисчислимое терракотовое воинство... Что говорить — Китай есть Китай. Даже и такая теория вспоминалась, вряд ли, впрочем, научная, что белой расе на земле скоро придётся уходить с мировой арены — на смену ей идёт жёлтая раса.

К случаю, я вспомнил рассказ турецкого гида в Анталии о той же Великой китайской стене. Оказывается, её построили... турки. Зачем? Чтобы спасти Ближний и Средний восток и Европу от вторжения китайцев. Смешно. Будто китайцы не найдут других дорог. Их главное завоевание пространства — демографическое. Если в Китае есть контроль над рождаемостью, то в других странах никто не запрещает китайцам иметь большие семьи. А китайские женщины — идеальные жёны и матери. Китайцев вне Китая становится всё боль-

ше и больше. Посмотрите на рынки Иркутска, Красноярска, Благовещенска, да уже и Москвы. Пожалуй, весь мир уже завален китайскими товарами, весь мир питается китайской стряпнёй.

Последнее заметное событие российской политической жизни – вступление во Всемирную торговую организацию. Трезвые голоса доказательно предостерегали нашу власть от такого шага и приводили в пример Китай, который долго не вступал в ВТО, а вступил тогда, когда производство товаров в нём развилось до такой степени, что теперь этими товарами они снабжают и Европу, и Азию, и Америку. А Россию *втащили* туда почти насильно, поскольку нужна она там только как сырьевая база для господ-капиталистов.

Но это уже наша боль. А пока мы в Китае, в самом огромном городе его – в Шанхае.

Сколько ни читай про любую страну, пока в ней не побываешь, её не узнать. Ну, а что узнаешь за неделю? Тоже проблема.

Теперь же я понял, что узнать страну за неделю, конечно, трудно, но полюбить её – очень даже возможно. Так что докладываю: я полюбил Шанхай.

Как? Мне, сельскому мальчишке, полюбить не просто мегаполис, а супергипермонополис, в котором китайцев миллионами считают, как? При снижении самолёта я ужаснулся, когда в иллюминатор смотрел. Какие там торчат башни, прямо-таки в сотни этажей! Ну, хотя бы одна-две напоза, а то тысячи и тысячи. В каких они облаках живут? И за облаками даже. Да, летящие серые лоскутья облаков касались не только вершин, но и проходили вдоль середины башен. Свет раннего утра переливался по стеклянным и металлическим поверхностям, отражался по многу раз от других сверкающих плоскостей, восхищая и ужасая наблюдателя. Но это не каменные джунгли европейских и американских небоскрёбов – это рвущийся в небо лес искусственного бамбука, если такое сравнение уместно. Перелетели похожую на Нил реку. Честно сказать, показалась она мне мутноватой, а множество судов на ней – как соринки.

Шанхай так огромен, что даже лететь над ним – и то приходится очень долго. Объявили по радио, что температура здесь плюс тридцать четыре. Ну, ничего, теперь уже и Москву такой температурой не удивишь. Выдержим. Сели. Но здесь была не московская жара, а шанхайская жарница. Даже духотища. А солнца не видно. И почти не видел я солнца во все дни пребывания в Шанхае. Так что же тогда, как не солнце, разогревает воздух? Оно здесь не разогревает его, а распаривает. Море близко, широкая река. Водяные горячие пары накрывают город, как белое пуховое одеяло. Просто баня. Влажность такая, что рубашка сразу же становится мокрой. Скорей в машину – в машине кондиционеры. А от них сразу же становится холодно.

Привезли нас в центр, в прекрасный отель, тоже высоченный, называется “Мандарин”. Двери открывают улыбчивые юноши, а в вестибюле встречает приветливая девушка в строгом китайском костюме из плотной красной ткани. Пиджачок под горло и длинная юбка, правда, от колена разрезанная. Китайских мандаринов, то есть больших начальников, в отеле я не заметил. Но то, что тут были большие начальники со всего мира, – это точно. В лифтах, которые совершенно непонятно каким образом за считанные секунды мягко и бесшумно возносили нас на любой этаж, было всего полно: и людей разного цвета кожи в разных одеяниях, и звучала арабская, английская, французская, да, в общем-то, и любая другая речь. Вот немецкой только не слышал. А потому меня мой варварский немецкий тут выручить не мог – ответом были лишь извиняющиеся улыбки и разведение рук. Это случилось, когда я забыл, в каком номере остановился мой товарищ, с которым мы вместе прилетели, и пытался выяснить это у портье. И мои немецкие вопли о том, что я разыскиваю “мистер Олег Бавыкин” мне не помогли.

А помогли приставленные к нам переводчики, аспиранты, бывавшие в Москве, постарше – Сергей, помоложе – Николай. Так они нам представились. Познакомившись, мы посидели, беседуя, в вестибюле. Ещё в Москве я припоминал что-то, что могло вызвать улыбку у, так сказать, принимающей стороны. Например, рассказал историю начала XX века, времён русско-японской и Первой мировой войны.

– Пишет китайский император русскому: “У тебя в войне много мужиков побито и много баб безмужних осталось. А у меня баб не хватает. Я тебе

предлагаю обмен: за каждую бабу выдам двух своих мужиков. И вот русский император объявляет “бабий набор”. Бабы ревмя режут...

– Как режут? – спросили переводчики.

– Ревмя. Ну, громко, безутешно.

Но интересно, что они понимали всё буквально, и в самом деле поверили про “бабий набор”. Пришлось сказать, что это была шутка. Но так как она никого не рассмешила, то я, стараясь реабилитировать себя, рассказал им слова песни, которую помнил неведомо с каких пор:

*— Солнце встаёт за рекой Хуанхе,
Китайцы на работу идут.
Горсточку риса в жёлтой руке
Китайцы на работу несут.*

И второй куплет, он же последний:

*Солнце садится за рекой Хуанхе,
Китайцы с работы идут.
Горсточку риса в жёлтой руке
Китайцы с работы несут.*

Сергей и Коля вежливо улыбались. Такой песни они не слыхали.

– Это перевод?

– Думаю, русское сочинение. Грузины, например, тоже отказываются от авторства песни про свою гору.

– Какую?

– Названия не знаю. Но река там точно названа. Такие слова: “На Кавказе есть гора самая большая, а под ней течёт Кура, мутная такая. Если на гору залезть и с неё бросаться, очень много шансов есть с жизнью расстаться”.

Они опять поулыбались. Я замолчал, решив больше не вставлять тексты песен и анекдотов для оживления беседы. Да и что это за песня, в которой есть явная неточность. Ведь если солнце утром встаёт за рекой Хуанхе, то не может же оно на закате снова быть там же.

Потом мы встретились с профессором Ти У. Его кабинет – это русское книжное царство. Знакомые имена оживили наш разговор. Ти У провёл нас по аудиториям, потом мы с ним и его аспирантами погуляли по улицам, заходили в кафе. Везде было чисто, персонал был вежлив. Профессор спросил меня, интересен ли мне вкус китайского пива. О чём говорить – конечно, интересен. Пиво было хорошее. К нему принесли какие-то непонятные мне и невиданные мною доселе кушанья. Но профессор и аспиранты ели их с удовольствием, стал есть и я. Я ж тоже человек...

И на ком мне было проверить свои мысли о Китае, как не на профессоре, любящем Россию.

– Я так понял, что вместе с окончанием пребывания здесь русских окончилось здесь и православие. Говорил перед поездкой со специалистами, что и конфуцианство здесь не совсем религия, а более нравственное, философское учение, так? Или я ошибаюсь?

– Примерно так.

– Кажется, и буддизм не всеобъемлющ. Но такое мощное государство чем-то должно быть скреплено. Советский Союз насильственно держался марксизмом. Когда марксизм провалился в чёрную дыру истории, Россию спасло Православие, и теперь она только им и держится. А здесь? Даосизм?

– Да, он занимает значительное место.

– Мне кажется, что и это не религия. Это такое единение с природой...

– Всё-таки религия, – мягко поправил профессор. – Дао – это путь, отсюда весь Лао-цзы. Религия уподобляет учение текучей воде, это мягкость и неодолимость. Цель – достичь единства с первоосновой. Правитель-мудрец отвергает роскошь, войну, ведёт народ к простоте, чистоте.

– Где же теперь простота, где же такие мудрецы? У нас таких нет.

– Главное, что держит китайское общество, – это культ семьи, культ рода, продолжение его. Это основа, на том мы и держимся.

Я заметил, что профессор деликатно уклоняется от разговоров на религиозные и политические темы.

Далее был приём, на котором нас угощали рыбой-феникс. Хвост у неё был разлохмаченный, прямо павлиний, и она оказалась сладкой. Предо мною лежали и палочки. Но, признаюсь, я и в Японии не смог ими есть. Это для меня примерно то же, что писать двумя авторучками одновременно. Пища с них падает обратно в тарелку, и удовольствия – никакого. Блюда были поданы на вращающемся круге в центре стола. Этот круг подвозит тебе всё. Вот он подвёз мне стайку разноцветных чашек.

– Что это?

– Грибы, полезно.

Но и грибы соскочили с моих палочек.

– У кого ловкие пальцы, – заметил один из присутствующих на обеде, – у того хорошо работает мозг.

– То есть, – заинтересовался я, – китайцы оттого такие умные, что едят палочками? И оттого такие стройные? А от риса – сила, с которой они выигрывают все Олимпиады?

Олег угощал наших китайских друзей бородинским хлебом и водкой “Запорожская сечь”. Стали говорить о картине Репина “Запорожцы пишут письмо турецкому султану”. Все её тут знали и высоко ценили. Подали горячие креветки. Оказывается, тут холодные закуски не в счёт, начинается обед с горячего. Креветки означают: “Добро пожаловать”. У меня, православного, шёл как раз Успенский пост, так что креветки были очень кстати. Потом ещё были креветки в самых разных соусах. Подали любимое блюдо Мао Цзедуна: это было мясо, но я не стал грешить и так и не узнал его вкуса. Была и уха с фрикадельками, много там было всего.

После обеда мне подарили палочки, которые, скажу, забегая вперёд, я привёз внукам, чтобы они, питаясь с их помощью, быстрее умнели. И, представьте себе, внуки осилили застольное китайское мастерство. Может, оно пригодится им в будущем. Внук тут же решил учить китайский язык. “Это же очень трудно, – предупредил я, – особенно письменность. Школьник заучивает самое малое две тысячи иероглифов”. – “Ребёнок из Китая, – почему-то сказала внучка, – равен прошлому ребёнку из России”. Тут она, думаю, права. Прошлый ребёнок в России не учил *собачьей грамоты* нынешнего ЕГЭ, которая разглаживает мозговые извилины.

Мне очень нравилась китайская речь, в которой я не уловил звука “р”. Говорили с хозяевами о литературе. Был редактор самого крупного литературного журнала “Урожай”. В нём печатаются все новинки текущего литературного процесса. Молодняк в литературе, как и у нас, склонен к *выдрючиванию*, к поискам оригинальной формы, но в основном литература развивается в русле канонов китайской классики. Есть в этом и влияние русской классики. Литература в России не зависит от государственных систем и всегда оказывается сильнее их. Если бы руководители, – сказал я, провозглашая здравицу перед десертом, – поняли бы это, они бы стали культурными. Ещё я сказал о том, что больше всего переводов иностранной литературы в последнее время выполняют именно в Китае. Было заметно, что нашим хозяевам это приятно.

Вечером, дождавшись спада жары, я бродил по Шанхаю. Боялся далеко отойти от “Мандарина”. Хоть и вечер, а все равно было душно. Но всё же не так, как днём. Ходил и восхищался. Интересно было видеть эти стрелы стеклянных сооружений, эти эстакады по три-четыре, даже пять уровней. Миллионы машин, а пробок нет. Все транспортные проблемы вынесены в воздух. А стоянки убраны под землю. И все необходимые магазины – необходимые в двух смыслах: их и обойти невозможно, и всё нужное в них есть, – огромные магазины, они тоже под землёй. Но какой в них воздух – прямо морской, какая музыка, какие безшумные тележки, которые хочется нагружать и нагружать, какие красавицы за кассами и за прилавками, да и перед прилавками! На моё счастье, эти красавицы явились в мою жизнь с опозданием, а вот товары – в самый раз.

Для начала купил я конфеты “Русалочка” – на тему любимой сказки всех деточек всех стран. На китайской коробке она была трогательно и одновременно настойчиво взята в плен иероглифами. Ещё возмечтал купить туфли любимой жене. Провожая меня, она как-то робко сказала: “Китайцы для себя хорошую обувь делают, а на экспорт – чего похуже”. Она не просила купить ей туфли, но надо быть дубиной, чтобы не понять её мечту. Но скажите мне, дорогие мужчины, есть ли в мире хоть один муж, который бы купил же-

не в её отсутствие подходящие туфли? Нет такого мужа. Место вакантно. И сейчас я мог бы занять его, стать первым счастливецом. И вот – доклады-ваю: я купил туфли. Увидел фирменный магазинчик обуви, зашел, был окружён любовью и вниманием и... купил! Кожаные, мягкие, носок аккуратненький, сверху пёстренькие, чудо! Больше ничего не покупал. Вернулся в свой “Мандарин”, открыл коробку, чтобы ещё полюбоваться туфельками и, к своему ужасу, понял, что они малы. Да, малы. Даже точно малы.

А в Шанхае магазины работают долго, и я тут же решил пойти и обменять туфли. И коробка, и чек – всё есть. Выскочил в тёплую, душную атмосферу улицы, побежал к магазину. Но где он? Было же всего два поворота от гостиницы. Вот так и так. Спешил, озирался. Вот тут же, тут! Туда, сюда, обратно, но всё никак не мог найти магазин. Стал показывать прохожим коробку: где же этот магазин, коробка фирменная. Выбирал прохожих постарше. Нет, никто не знал. Уже хотел вернуться, ибо испугался не найти своего “Мандарина”. Вдруг подошла ко мне очень милая, средних лет, женщина, сразу всё поняла, сделала приглашающий жест, я пошёл за ней. Оказывается, это всё рядом. Она подвела меня к дверям, да, вроде те самые, ввела внутрь и пригласила сесть за стойку. Я автоматически сел, ещё даже подумал: для примерки что ли, туфли-то женские, мне ж их не примерять. Оглянулся, а где обувь? Предо мною вдруг возникли разные сосуды: рюмка с чем-то коричневым, бокал с чем-то прозрачным и кружка с пивом. А справа и слева подошли и, улыбаясь и кивая, присели две девушки, да такие красавицы, такие ласковые, особенно одна, прямо как с плаката, виденного в детстве. Куда я попал? Они жизнерадостно мне улыбались, а мне каково? Женщина, заманившая меня сюда, объясняла на элементарном международном языке разврата, что всё у меня будет хорошо, что тут очень недорого, и это прямо тут же, вот дверь, вот девушки, а которую вы выбрали? Вы наш самый дорогой гость.

Я от них бежал. Но не постыдно. С достоинством. Встал, отринул питьё, показал на свои седины, прощально махнул рукой, прижал коробку с туфлями к груди и пошёл. А они – они захлопали в ладоши, и это мне не было понятно.

В красоте китаяночки я вдруг прозрел красоту той актрисы, которая играла седую девушку в давнем черно-белом кино моего детства. Ну, этой, конечно, сесть было не с чего. Что ж я, даже ничем её не угостил? Ладно, перебьются. Старик с крючка сорвался, поймают какого-нибудь молодого *евромэна*.

На улице меня стерёг коротенький молодой китаец. Стал сопровождать и настойчиво показывал веер фотографий опять же китайских красавиц и обольщал ими. Шёл рядом, не отставал. Бежал со мной через перекрёсток. Прямо прилип. Наконец, я даже топнул на него ногой и пригрозил пальцем.

В номере пошёл под душ.

Жара и с утра не ослабела. Небо хмурилось. Сверху видел, как тысячи и тысячи велосипедов, мопедов, мотоциклов дружно неслись туда и сюда, как замирали они перед светофором, а из боковой улицы перпендикулярно выливались потоки тысяч и тысяч велосипедов, мотоциклов, мопедов. Седоки были больше молодые, но уверенно держались в седлах даже и древние бодрые старушки.

Коробка с туфлями ночевала на тумбочке у кровати. Взял я её в руки и опять стал изучать обувную проблему. Пошёл было в магазин, который сразу нашёл за двумя поворотами. Сходу купил себе тесные летние туфли, большего размера не было, решил, что разносятся. Такие лёгкие, нежного красно-коричневого цвета. А женские туфли, которые покупал жене, не стал менять, есть же у меня и дочь, и невестка, купил жене новые. Долго выбирал, вспоминал её ножки, отпечатки их ступней на песчаных полосах прибоа Черного, Азовского и Средиземного морей. Выбирал. Щупал, ничего не понимая в коже, кожу боковых стенок. Купил.

До первого мероприятия ещё было время. Сел в сквере на скамью и потихоньку, как бы не подглядывая, с интересом смотрел, как много людей в годах коллективно делают... тут я запнулся. Что делают? Зарядку утреннюю? Нет, не зарядку. Тут была не физкультура, а некое магическое движение рук, ног, туловища. Иногда они, хлопая в ладоши на каждый шаг, пятились, иногда, хлопая, шли боком, то вправо, то влево. Разводили и сводили руки, поочередно поднимали и опускали ноги, то сгибая, то разгибая их в воздухе. Группа здоровья? Даосизм? Вдруг ко мне подбежала большая собака, а на неё

так грозно и так громко крикнула хозяйка, что я испугался. Испугался не собаки, а хозяйки.

Вернулся в “Мандарин”. Бережно уложил туфельки в сумку, закутав коробку свитерами, совершенно здесь не нужными, но вот пригодившимися для упаковки подарков. Не жена ли заставляла меня их взять, заботилась. История с покупкой туфель на этом не закончилась, но об этом – в конце рассказа.

Мероприятий каждый день было много. Было и Богослужение в Российском консульстве. Сейчас церкви православной в Шанхае нет. Хотя здание её есть, и она весьма знаменита. Её построили русские, когда на них обрушилась весть о взрыве в Москве храма Христа Спасителя. Невозможно представить себе их горе, когда был взорван памятник незабвенной русской победе над полчищами Наполеона. И только ли Наполеона? Как писал Фёдор Глинка (цитирую по памяти): “И это были вам не сказки, и это было не во сне, как двадцати народов каски валялись на Бородине”. Русские эмигранты в 34–35-м годах собрали средства и построили храм удивительной красоты. Он, слава Богу, уцелел. Конечно, я очень хотел в нём побывать. Но даже зайти в него не получилось, только рядом постоял. Этот русский храм – уже частное, не знаю, правда, китайское ли или какое другое владение. Кресты снесены, у куполов приделаны светильники для подсветки красоты архитектуры и привлечения посетителей, внутри – выставочный зал и кафе. Двери храма, всё-таки назову его так – именно храма, открылись, вышел охранник или уборщик, выкинул в контейнер у крыльца чёрный пакет и вернулся обратно. Я сунулся внутрь. Он оттолкнул меня. Я отшатнулся и жестами стал показывать, что я хочу только посмотреть: “*Russisch, Russian, orthodox, nur zehen*”. То есть понадеялся снова на свой немецкий. Не военный же объект, почему нельзя? Нет, он выставил меня на паперть, и только я успел заметить, что фрески – иконы над алтарём – всё ещё живы.

Вот такое грустное было посещение русской православной святыни в Шанхае. Но я всё же надеюсь и даже уверен, что этот храм ещё примет в своих стенах молящихся Христу православных. Ведь именно здесь служил в 1934–1949 годах причисленный к лику святых архиепископ Шанхайский и Сан-Францисский Иоанн. В 1949-м в Китае к власти пришли коммунисты, и русским пришлось уехать. Святитель спасал свою паству на острове Тубабао. Их в лагере было больше пяти тысяч. Остров находился на пути постоянных сезонных тайфунов, и ни разу за два с лишним года пребывания их в лагере тайфуны не коснулись острова, огибая его стороной. Это заметили филиппинцы. Они потом вспоминали, что “русский святой человек каждую ночь обходил лагерь и благословлял его”. Когда лагерь эвакуировали, на остров тут же обрушился страшный тайфун.

Попасть на Богослужение в консульстве тоже оказалось проблемой. Моллились здесь в помещении, где выдают визы. Но без паспорта туда не пропускали, а я документы оставил в номере. Не украдут же их из пятизвёздочного отеля! Да и шёл я церковь, а не на секретное предприятие. Мы звонили сюда накануне, вроде договорились обо всём, а всё равно не пускают. Стоят навтыяжку у дверей brave охранники. При нас была смена караула. Прямо как у мавзолея. Чётко, со стуком приклада карабинов о гранит крыльца. Время шло. Жарило солнце. Аспиранты наши и Олег звонили консулу и священнику. Батюшка не отвечал, и было ясно, почему – началась служба. Дозвонились до дежурного. Он вышел, уговорил охрану пропустить нас. Консул в эти дни был в Москве. Да, нас-то пропустили, а как же прочим людям сюда попасть? Служили отец Алексей и его жена, матушка Любовь. Стояли на службе мы, то есть Олег, я, аспиранты и ещё пожилая пара из Австралии. Дьяконом был китаец, читавший то по-английски, то по-китайски. Отец Алексей служит здесь уже восемь лет. Но поговорить с ним нам не удалось – топились на очередную встречу.

Союз писателей Шанхая занимает великолепный особняк – владение какого-то дореволюционного капиталиста. Во дворе, окруженная струями воды, стоит скульптура обнаженной женщины, может быть, Венеры, может, ещё какой язычницы. Струи воды, увлажняя статую, опадают и вскоре вновь взмывают вверх. Но жара такая, что мрамор между двумя *взмываниями* успевает высохнуть.

Говорили о “культурной яме” меж поколениями, о наступлении “цифры” на “букву” и о том, что сдаваться мы не собираемся. Ещё повоюем. Великая

Россия и великий Китай будут дружны, и мир тогда спасётся. Да, дружба Китая и России спасёт планету.

В своем слове я говорил о том, что *urbi et orbi*, то есть граду и миру навязан стереотип русской литературы XIX века. Почему вдруг Пушкина сменил Лермонтов, а не Тютчев? Почему вдруг великий кощунник Толстой, безотрадный Достоевский и западник Тургенев подняты выше Гончарова? И о том, что великие потрясения России вызвали в ней великую литературу, но уж лучше бы не было ни “Тихого Дона” Шолохова, ни “Щепки” Зазубрина, ни “Окаянных дней” Бунина, ни “Солнца мёртвых” Шмелёва, лишь бы не было событий, вызвавших к жизни эти произведения. Говорил я и о том, что пишущие либеральные демократы смешны в своих притязаниях на какое-то новое слово в русской литературе. Миленькие, это же **русская** литература, а не *русскоязычная*. Белов, Распутин, Астафьев, Солоухин – вот кого читают в Китае. А из классики в почёте Пушкин и удивительно понимаемый Есенин.

Был и разговор о женских образах в русской литературе. Я заметил, что женской части аудитории понравилось рассуждение о том, что Татьяна Ларина своим любящим сердцем чувствовала, что может спасти любимого, и он это почувствовал, но уже было поздно. Но и потом своею верностью брачному венцу она даёт урок всем любящим жёнам.

Ещё я спросил собравшихся, как обычно спрашиваю студентов и школьников на встречах: кто утопил собачку Муму? Герасим? Нет, товарищи, Муму утопил писатель Тургенев. И это воля писателя, более того, своеволие. А Татьяна сама вышла замуж. И неожиданно даже для Александра Сергеевича. Вот и разница меж гением и талантом.

А день между тем всё хмурился, всё нагнеталось удушающее предчувствие грозы.

Перед ужином я не утерпел и решил ещё раз выйти в город. Я люблю просто идти по улицам, идти и смотреть. Свою, Нанкинскую сторону отеля исследовал и уже осмеливался сворачивать в боковые улочки. Новые туфли сильно жали и всё никак не разнашивались, но я всё равно ходил. Заходишь в магазинчики и в ответ на улыбки тоже улыбаешься. Остановишься на перекрёстке и смотришь. Никто не смеет идти на красный свет, если даже ни слева, ни справа нет машин. Я всего-навсего заступил на мостовую одной ногой, и этим тут же вызвал грозное предупреждение постового с повязкой на рукаве. Хотя, когда со всеми вместе я пошёл на зелёный, то постовой именно мне радостно улыбнулся.

Семья семьёй, род родом, но Китай, безусловно, держится дисциплиной, законом и наказаниями. Если ты знаешь, что тебя расстреляют за взятку, ты её не возьмёшь. Если ты знаешь, что тебя оштрафуют за брошенный окурок на ползарплаты, то ты его не бросишь. А лучше вообще бросить курить. Курят здесь гораздо меньше нашего, а курящих женщин я вообще не видел. Может, они прятались, завидев меня?

Ходил, ходил и начал уже прихрамывать. Надо возвращаться.

И вот тут ливануло. Вначале без грома и молнии, внезапно, будто где-то наверху сорвало кран. Я кинулся под скромный козырёчек газетного киоска, и под ним меня быстро выволокло до нитки. Очень я жалел свои новые туфли. Они на глазах порозовели, размокли, и я уже думал – пропали.

Но нет. Когда ливень дал себе и мне краткую передышку, я помчался в “Мандарин”, в номере снял туфли, и они прямо на глазах стали сохнуть и вскоре были краше прежнего, да ещё и сели теперь точно по ноге. Как не полюбить китайских обувщиков!

За окном меж тем мрачно суровилось. Начались вдалеке и стали приближаться удары грома. Было даже тревожно, но я успокаивал себя мыслью, что не могли же китайцы не предусмотреть нашествия гроз, молния в отель не ударит, всё обойдётся. Меня вдруг поразило то, что я стою очень высоко над землёй, а на соседние строения смотрю снизу вверх. Тёмные башни ближайших и отдалённых зданий въезжали в чернеющее небо. Время между вспышкой и грохотом всё сокращалось. Струи воды, даже потоки, как плётки, хлестали по зданиям и опустевшим мостовым. Вначале башни были темнее неба, постепенно они превращались в силуэты, и вскоре небо стало чернее башен. Молнии стали привычными, сверкали между башнями и время от времени высвечивали их. Гром походил на победную канонаду. Или, скорее, на артподготовку. В таких обстоятельствах понимаешь всеисилие Господа. Мы же все:

и китайцы, и русские – беспомощны пред Господом. Вот возьмёт да и *шарахнет*. Заслужили.

Зрелище грозы было и страшноватым, и притягательным. Сквозь сплошной водопад на мостовой белели стрелы – указатели движения, тускло проглядывали рекламные щиты, которых здесь, кстати, совсем немного, всё остальное было залито мраком и летящей водой.

Утром Сергей и Николай сказали, что весь Шанхай затоплен, поплыл. Но к обеду просох. Я ожидал, что гроза и ливень освежат природу, снизят температуру воздуха, как бывает у нас, но здесь и жар, и духота только усилились. Разогретый асфальт испарял влагу, она поднималась в атмосферу и создавала, так сказать, *рисовую* погоду. Тепло и влага в таких пропорциях нужны именно рису. Вот почему китайцам неинтересна наша Сибирь – рис там не растёт. Рынки – да, но не земля. Хотя всё время слышишь то ли предсказания, то ли уверения в том, что китайцы дойдут до Урала.

Ещё мы с Олегом посетили парк Юй Юань – “Сад радости”. Я в этом саду умудрился-таки заблудиться. Он огромный, везде вода, мосты и мостики, павильоны, выставки, скульптуры драконов по стенам. Зазевался – и отстал от Олега. Вероятно, ещё и потому, что захотелось позвонить в Москву и сказать: “Я звоню тебе из Сада радости”. Дорого мне было (во всех смыслах!) услышать здесь родной голос. Доложил, оглянулся – нет Олега. Звоню ему. Это значит, что мой голос летел к нему по Саду радости, по Шанхаю – через Москву. Он успел только крикнуть: “У входа!” А где вход? И таблички не понимаю, и спросить не умею. Толпы людей льются и туда, и сюда. Остановил человека постарше. Он вдруг схватил мою руку: “Русия, Русия, люблю!” Даже слёзы на глазах появились. Оказывается, учился в России. Может быть, в институте имени Патриса Лумумбы? Нет, технарь. Да и русский язык почти забыл, но где вход и выход знал и сумел мне показать. Ещё ему было важно объяснить мне, что всегда он был не согласен с тем, что во время культурной революции русских называли *лесными варварами*. “Нет, нет! Дружба!” – “Ну, а вообще, как в Китае жизнь?” Слёзы у него высохли, и он улыбнулся: “Всё есть и всем плохо”. – “У нас то же. И культурная революция у нас продолжается”.

В парке было на что посмотреть. Вот знаменитые китайские золотые рыбки. Но здесь это не рыбки – рыбищи, прямо какие-то раскормленные, раскрашенные в красное, белое и золотое сомы. Тут их все кормят. Чего им тут не жить – только рот разевай. Деточки старались их даже погладить по спине. Некоторым удавалось. Приплыла и всех насмешила маленькая черепашка. Ловкая, всеми четырьмя лапами она распихивала прожорливых конкурентов и быстро питалась сама. Примерно такую же сцену с сомами и черепахой я видел на Иордане в Палестине.

Русскую речь, уже от русских, я ещё услышал в подземном мегамаркете. Там были две женщины из Казахстана. Из Казахстана их выгнали, в России не приняли. Куда денешься? “У нас высшее образование. Здесь специалистов ценят. Конечно, тоскуем по России. Но хотя бы помогаем родственникам”. История этих женщин – ещё один пример плодов российской перестройки, ещё один венок на могилы Гайдара и Ельцина.

И вот наступил прощальный вечер. О, как грустно. Как уже много знакомых площадей и улиц, как со многими я здесь теперь знаком. Но надо улетать. Китай без меня проживёт, а Россия – никак. То есть и Россия, может быть, проживёт, но я-то без неё как?

Итак, ресторан “Рузвельт”, прекрасная набережная, на которой когда-то были таблички: “Собакам и китайцам вход воспрещён”. И вы думаете, цивилизованные европейцы Шенгенской зоны, что китайцы эту табличку когда-нибудь забудут? Не надейтесь.

Руководители книжной ярмарки, видимо, специально поставили приём на вечер, ибо в наступающих сумерках сказочно осветилась набережная, а прогулочные корабли, в изобилии плывущие по реке, разукрасились всеми цветами радуги. Гирлянды подмигивающих китайских фонариков, трескотня фейерверков, шипение взлетающих ракет и взрывы их над водой, в которой отражается букет салюта, музыка, запахи приправ китайской кухни – эх, что и говорить!

Среди медленно плывущих, выполненных под старину кораблей пропархивали быстроходные современные катера и яхты. Но они-то мелькнули,

и нет их, а эти царственно шествуют, разноцветно сияют и надолго остаются в памяти.

Но что ещё надо сказать: огни огнями, музыка музыкой, а река продолжала работать. Всё время вверх и вниз по течению двигались огромные грузовые суда, баржи, рефрижераторы. Они никому не мешали, шли своим фарватером, только сигнальные огни мигали по бокам, сзади и спереди. Тяжко вздохнул я, вспоминая осиротевшие родные реки: Волгу и Каму, Оку и Вятку.

Вела приём уж совершенно неестественно красивая телеведущая. Вызывала она к микрофону писателей и поэтов отовсюду: из Гонконга, Испании, Сербии, Малайзии... По экрану ползли строчки текстов, читаемых автором, на китайском, конечно. Так как я не понимал ни того, ни другого, мне доставался лишь перевод Николая. Из серьёзного выступления я запомнил одну очень умную фразу: "Массовая культура делает человека равнодушным к другим и устремляет смысл жизни к комфорту".

Олега занимала художница-китаянка, муж которой был норвежец. Её картины показывали на экране. Меня затягивала в беседу о загробной жизни соседка слева, Николай сидел справа. Я вежливо слушал о перевоплощениях, о том, что Будда может быть женщиной, и всё-таки, в свою очередь, сказал о православном понимании жизни временной, земной и вечной, загробной. "Это как если сравнить время горящей спички с временем сияния солнца".

— Это понятно ей? — спросил я Николая после того, как он перевёл мои слова. — С чего это вдруг она засмеялась? Что тут смешного? Земное и вечное.

— Она говорит, что первый мужчина — это как спичка, а последний — как солнце.

— Хороший у неё юмор.

Она ещё что-то сказала. Николай перевёл:

— Женщина, говорит она, — это университет для мужчины.

Чем я мог ей ответить? Сделал знак официанту, он налил нам французского красного вина, и мы выпили под возглас: "Камбе!", что означает "До дна!". Вино было даже лучше, чем то, что мы пили в самой Франции.

Ещё погуляли по набережной. Тут, в отличие от ближайшего к "Мандариону" пространства, никто к мужчинам не приставал, всё было чинно, нарядно, отдохновенно. Памятник первому мэру Шанхая походил на памятники пламенным большевикам, например, Кирову. Тележки с напитками, едой, цветами, открытками, мороженым были разукрашены и казались частью городского пейзажа. Почему-то подумалось: вот улечу, а тут всё так и будет.

— Коля, — сказал я, — прости, тебе трудно было переводить мои торопливые дозволенные речи, и ничем я не мог вас порадовать. При встрече китайские анекдоты рассказал, вам не было смешно. А вообще, как можно китайца рассмешить? А то все тебе улыбаются, а ты не знаешь, весело им или у них такая работа. Женщина в вестибюле такая приветливая, а я, когда вас встречал, сел в сторонке, она оглянулась — никого, лицо стало усталое, и она делала упражнения для спины. Вдруг машина у подъезда, она снова на страже, вся в струнку. Лицо весёлое. Работа. А что она думает о приезжих? Не всем же рада.

— Да, — вздохнул Николай, — работа.

— Я тебе на прощание ещё один анекдот расскажу. Из шестидесятых, уже прошлого века. Сейчас у вас одна из самых сильных армий в мире, а тогда вы только начинали крепнуть. Вот идёт военный совет, обсуждается наступление на врага. Министр обороны сообщает: "Вначале пойдёт наша Первая китайская миллионная армия. Потом пойдёт наша Вторая миллионная китайская армия. А потом двинется наша боевая техника". — "Как? Вся сразу?" — "Нет, вначале один танк, потом другой". Не смешно?

— Тогда меня ещё не было, — ответил Николай.

— Хорошо. Расскажи ты то, над чем можно было бы посмеяться.

— Ну-у-у, — Николай подумал. — Человек идёт вдоль состава и ударяется лбом в вагоны. Говорит: "Ищу мягкий вагон, у меня билет в мягкий". Смешно?

— Очень. Но ведь это уже из каменного века юмор. А есть что-нибудь свежее, именно китайское?

— Я буду вспоминать. А вы будете о нас писать?

— Милый Коля, что я напишу? Очень бы хотел, но ты знаешь, что замысел сильнее воплощения.

– А какой у вас замысел?

– Да всё тот же – культура сильнее политики, дружба сильнее войны.

Перед сном вознёсся на лифте на последний этаж, поглядел вниз, и голова закружилась. Поглядел вверх, звёзд не видно. А так хотел увидеть здесь свою любимую Полярную звезду.

Долго не засыпалось. Лежал, гнал пультом телевизора бесчисленные каналы. Всё обычно: дикторы, дискуссии, спорт, реклама, кухня, песни, танцы, кино и театр, но похабщины и пошлости российского телевидения, к счастью, не было.

Назавтра на прощанье в ресторане отеля уже привычно сокрушал клешни крабов и домики моллюсков специальными щипцами, потом, на десерт, ходил к фонтану льющегося шоколада, просил заварить и зелёного, и чёрного чая, прошёл ещё вдоль стоек, понимая, что за дни пребывания и десятой части кушаний не попробовал.

А потом была грустная прогулка по знакомым уже местам, особенно в старый, сохранившийся кварталчик, где двух- и трёхэтажные галереи смыкались и образовывали закрытый оазис прежней шанхайской жизни и архитектуры. Велосипеды, коляски, бельё на верёвках, девочка, изумлённо глядящая на бордатога дедушку, старики за какой-то игрой. Стены были в надписях, но это были не граффити, не мазня местных неформальных художников, не перформансы. Например, мне Николай перевёл: “Когда герой сидит в тюрьме, то небеса и земля скорбят”.

В аэропорт меня увозил шикарный “бьюик”. Я бы и не понял, но Олег это заметил: “Уважают”. – “Как не уважать, такой рынок сбыта”.

Провожал нас Сергей. Очередица на регистрацию была изрядная. Родной до боли “Аэрофлот”. Но взлетели вовремя. В самолёте, проходя в хвостовую часть, задел ногу огромного араба, и он потом очень сердито смотрел на меня. Но я, наученный китайскими улыбками, быстро его укротил. И не успели мы пролететь над Монголией, как подружились. Обедал, смотрел на экран, видел, как стрелка самолёта передвигалась вблизи знакомых городов. Мысленно ходил по их улицам, передавал душевные приветы и городам, и живущим в них знакомым: Иркутску, Красноярску, Омску, Тобольску, Тюмени, Барнаулу, Оренбургу, Екатеринбург, Вятке, Нижнему Новгороду.

Итак, я в Москве. Вхожу в дом с лицом победителя: “Нихау!”

Жена не верит, что я сам купил ей туфли. “И ни с кем не советовался?” Открывает коробку. Сразу видно – туфли нравятся. Села, примерила левую туфельку. Точно по ноге.

– Ура! – воскликнул я. – Золушка! Нет, уже королева! Должны же твои измученные московским асфальтом ноги обрести давно заслуженную радость удобства пешего перемещения.

Так я витиевато выразался, а тем временем королева взяла в руки другую туфельку и в ужасе, ещё и сама не веря, поняла непоправимое:

– Она же тоже левая! Левая! Ужас! Как так? Ты что, не видел, не посмотрел? – Глаза её наполнились слезами.

– Но я, когда выбрал, при мне положили их в коробку. Потом в фирменный пакет. Как я мог понять?

– А в гостинице? Не посмотрел?

– Да я сразу их завернул в свитер, как драгоценность, и в сумку.

Да, вот такая случилась трагедия, привёз я ей обе туфли на одну ногу. Я очень переживал. Раз в жизни мог отличиться – и опозорился. Потом мы анализировали, как это могло случиться, и поняли, что не могла продавщица специально положить в коробку две левые туфли. Им, бедняжкам, придёт платить за свою ошибку. Я-то уже за их ошибку заплатил слезами жены.

Ладно, думал я, стараясь остальными покупками, особенно чаем, угождать несчастной Золушке, вот напишу про Шанхай, вот напечатаю, они прочтут, им понравится, и они снова меня пригласят. И пойду я в этот магазин, и принесу левую туфельку и обменяю её на правую. И снова вернусь в Москву, обрадую жену, а сам буду снова тосковать по Шанхаю.